

ЛЕГЕНДА О ВИНОГРАДНИКЕ ВДОВЫ ФЕОГНОСТА В АГИОГРАФИИ СВТ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА: PRO ET CONTRA

А. С. БАЛАХОВСКАЯ

Легенда о винограднике вдовы Феогноста, которая появляется в житиях свт. Иоанна Златоуста начиная с середины VII в. и с того времени становится непременным атрибутом его агиографии, — один из самых ярких, но, с другой стороны, самых противоречивых агиографических рассказов об этом святом. В легенде повествуется, что императрица Евдоксия присвоила себе виноградник вдовы сенатора, умершего в ссылке. Вдова обратилась за помощью к свт. Иоанну Златоусту, который попросил императрицу вернуть виноградник. Но императрица уже была разгневана на епископа, поскольку тот укорял ее за сребролюбие, и, желая отомстить ему, отказалась вернуть виноградник вдове. Тогда Иоанн обличил ее, сравнив с нечестивой библейской царицей Иезавелью, после чего императрица стала добиваться низложения святого.

Эта легенда, ассоциирующаяся прежде всего с библейским повествованием о винограднике Навуфея (3 Цар, 21), до настоящего времени продолжает волновать исследователей, и по поводу достоверности этого повествования среди них до сих пор нет единодушия. В статье рассматриваются две противоположные точки зрения на эту проблему, и на основании анализа исторических источников дается им оценка.

Легенда о винограднике вдовы Феогноста, которая появляется в житиях свт. Иоанна Златоуста начиная с середины VII в.¹ и с того времени становится непременным атрибутом его агиографии, — один из самых ярких, но, с другой стороны, самых противоречивых агиографических рассказов о святом.

Содержание легенды таково. Сенатор Феогност был оклеветан перед императором, приговорен к ссылке и по дороге туда умер. Все имущество Феогноста, кроме одного виноградника, оставленного его вдове, было конфисковано. В сезон сбора винограда императрица Евдоксия вошла в находившийся по соседству с ее собственным владением виноградник вдовы, сорвала гроздь винограда и вкусила от нее. А поскольку существовал закон, согласно которому, если царственная особа отведала плодов, произросших в чьем-либо земельном владении, это владение переходит к ней, императрица приказала приписать этот виноградник к своим угодьям. В таких случаях прежний владелец земельного участка

¹ Наиболее ранние произведения, в которых содержится эта легенда, — «Житие св. Иоанна Златоуста» Георгия Александрийского (Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome / Publiés par François Halkin. Bruxelles, 1977. P. 191–196) и «Житие св. Иоанна Златоуста» Феодора Тримифунтского (Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome. P. 20–21).

должен получить либо денежную компенсацию, либо другой земельный участок. Вдова, для которой виноградник был единственным средством существования, пришла к свт. Иоанну Златоусту и попросила его помощи и защиты. Святитель стал убеждать Евдоксию вернуть вдове виноградник, однако, согласно агиографическим повествованиям, императрица в тот момент уже была разгневана на Златоуста за обличения в сребролюбии² и, желая воспользоваться подходящим предлогом для расправы с неугодным ей епископом, наотрез отказалась выполнить его просьбу. В ответ на отказ императрицы свт. Иоанн Златоуст обратился к ней с обличением, сравнивая ее с нечестивой библейской царицей Иезавелью, на что Евдоксия ответила, что не отдаст вдове ни виноградника, ни денег за него, и, еще больше возненавидев епископа, стала добиваться его низложения.

Данная легенда, ассоциирующаяся прежде всего с библейским повествованием о винограднике Навуфея (3 Цар, 21), до настоящего времени продолжает волновать исследователей, и по поводу достоверности этого повествования среди них до сих пор нет единодушия. Многие современные ученые полагают, что, хотя некоторые его детали носят легендарный характер, ядро повествования — факт заступничества епископа за обездоленную императрицей вдову, возникшее вследствие этого противостояние между ним и Евдоксией и обличение императрицы епископом, является подлинным. Однако имеется и альтернативная версия возникновения этого повествования, выдвинутая Ф. ван Оммеслеге.

В качестве примера, иллюстрирующего точку зрения современных сторонников подлинности истории о бедной вдове, приведем суждение Дж. Келли, автора подробной научной биографии свт. Иоанна Златоуста, вышедшей в самом конце прошлого века³. «Многие из этих живописных деталей, — пишет он, — являются явно легендарными, но сомнения относительно ядра повествования, что была вдова, которую лишили собственности, и что Иоанн, как ее епископ, бросился на ее защиту, являются, безусловно, неуместными. В этом нет ничего, что по существу невозможно. Равным образом, неуместным является скептицизм, так часто подающий голос, относительно его сравнения ее поведения с поведением Иезавели⁴. Было бы действительно удивительным, допустив, что, если бы она на деле присвоила землю бедной вдовы, такое сравнение не пришло ему в голову, и равным образом удивительно, если бы столь сильный и бесстрашный пастырь удержался бы от того, чтобы напомнить ей и своей пастве о позорном прецеденте подобного поведения»⁵.

² См., например, Douze récits. P. 171–172.

³ Kelly J. N. D. Golden Mouth. The Story of John Chrysostom — Ascetic, Preacher, Bishop. London, 1996.

⁴ Здесь Дж. Келли полемизирует с позицией Ф. ван Оммеслеге, изложенной им в статье: *Ommeslaeghe F., van. Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie. Le dossier et origines d'une légende // Analecta Bollandiana, 97. Bruxelles, 1979. P. 131–159.*

⁵ Kelly J. N. D. Op. cit. P.170–171. Позицию, аналогичную позиции Дж. Келли, занимают К. Г. Холэм (*Holum K. G. Theodosian Empresses. Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. (The Transformation of the Classical Heritage, 3). Berkley, Los-Angeles, London, 1982. P. 72*), Р. Брэндле (*Брендле Р. Иоанн Златоуст. Проповедник, епископ, мученик. М., 2006 (перевод с немецкого). С. 118–119*), Е. Т. Казенина-Пристанскова (*Казенина-Пристанскова Е. Т. Золотые уста. Жизнь и труды Иоанна Златоуста. Ровно, 2003. С. 77*).

Существует несколько аргументов, которые сторонники подлинности легенды о винограднике вдовы приводят в качестве подтверждения своей правоты. Одним из них является свидетельство, содержащееся в «Житии Порфирия Газского» Марка Диакона⁶, которому придается особое значение, поскольку считается, что этот памятник был создан непосредственным очевидцем произошедших событий⁷. Тот эпизод из данного произведения, который рассматривается как подтверждение подлинности истории о бедной вдове, относится к 401 г. и касается миссионерской деятельности епископа Порфирия. Марк Диакон рассказывает, что Порфирий, добиваясь закрытия языческого храма в Газе и желая получить в этом поддержку императорской власти, отправился со своими спутниками в Константинополь. Прибыв в столицу, он прежде всего встретился со свт. Иоанном Златоустом, стремясь заручиться его содействием. Из отрывка, в котором описывается их встреча, следует, что у свт. Иоанна в это время был конфликт с императрицей Евдоксией, поскольку он обвинил ее в похищении чужой собственности.

Вот что говорится в этом «Житии»: ⁸

«Γνοὺς δὲ τίνες ἐσμὲν ἐδέξατο «Узнав же, кто мы, он (Иоанн Злато-
ἡμᾶς μετὰ πολλῆς τιμῆς καὶ уст. — А. Б.) принял нас с большой по-
θεραπείας. Ἐπηρώτησεν δὲ ἡμᾶς чество и заботой. И спросил он нас, по
δι' ἣν αἰτίαν σκυλμὸν ὑπεμείναμεν, какой причине мы терпели мучения, и
καὶ διηγησάμεθα αὐτῷ, καὶ γνοὺς мы рассказали ему, и, узнав, он вспом-
ἀνεμνήσθη ὅτι καὶ πρό χρόνου τοῦτο нил, что и раньше мы обращались к
διὰ γραμμάτων ἐδεήθημεν, καὶ нему в письмах, и, узнав меня, радуш-
ἐπιγνοὺς με φιλιφρόνως ἠσπάσατο. но приветствовал. Он просил нас не
Παρεκάλει δὲ ἡμᾶς μὴ ἀθυμήσαι, отчаиваться, но иметь надежду на ми-
ἀλλ' ἔχειν τὰς ἐλπίδας εἰς τὰ ἐλέη лость Божию. И сказал он нам: “Я не
τοῦ Θεοῦ. Εἶπεν δὲ πρὸς ἡμᾶς: Ἐγὼ могу говорить с императором, ибо
μὲν οὐκ ἰσχύω τῷ βασιλεῖ λαλήσαι императрица возбудила против меня
παρώργισεν γὰρ αὐτὸν κατ' ἐμοῦ его гнев, потому что я обвинил ее из-
ἡ βασίλισσα, διότι ἐνεκάλεσα αὐτὴ за собственности, которую, страстно
χάριν κτήματος οὗ ἐπιθυμήσασα пожелав получить, она похитила. Но
ἀφήρπασεν. Καὶ ἐμοὶ μὲν εἰς τοῦτο меня не заботит, почему она гневается,
οὗ μέλει ὅτι ὀργίζεται οὐδὲ φροντίζω, и я не думаю об этом, ибо они прино-
ἑαυτοὺς γὰρ ἔβλαψαν, οὐκ ἐμέ· κἄν сят вред самим себе, а не мне, ведь если
γὰρ βλάψωσίν μου τὸ σῶμα, τὴν ψυχὴν даже они причинят вред моему телу,
μου πολλῶ πλεον ὠφελοῦσιν· ὅμως δὲ душе моей принесут больше пользы,
τοῦτο καταλειψόμεν τῇ εὐσπλαγχνίᾳ однако мы предоставим это благоутро-
τοῦ Θεοῦ.»⁸. бию Божию.”».

⁶ *Marc le Diacre. Vie de Porphire, évêque de Gaza* / Ed. H. Grégoire & M.-A. Kugener. Paris, 1930.

⁷ Эту позицию, например, К. Баур выражает в следующих работах: *Baur Ch. S. Jean Chrysostome et ses oeuvres dans l'histoire litteraires*. Paris-Louvain, 1907. P. 40; *Idem. St. John Chrysostom and His Time*. Westminster, Maryland, 1959-1960. Vol. 1. P. XXVII–XXVIII.

⁸ *Marc le diacre. Vie de Porphyre, éveque de Gaza*. P. 31–32.

Если рассматривать упоминаемые Марком Диаконом слова Златоуста, что его отношения с императором испорчены вследствие ссоры с императрицей из-за похищенной ею собственности, как достоверное свидетельство современника, то они действительно подтверждают подлинность истории о бедной вдове⁹. Но является ли это свидетельство достаточно надежным?

По мнению известного бельгийского византолога А. Грегуара, не является. Его исследование «Жития Порфирия Газского»¹⁰ ставит под сомнение тот факт, что этот памятник был создан современником свт. Иоанна Златоуста. Ученый полагает, что, поскольку в него включены фрагменты «Церковной истории» блж. Феодорита Кирского, памятник появился не раньше середины V в. и компилятивен по своему характеру¹¹, так что рассказ о ссоре свт. Иоанна Златоуста с императрицей, содержащийся в «Житии Порфирия Газского», отразил более поздние сказания о святом, возникшие после его осуждения и ссылки, и является не чем иным, как «рудиментарной формой легенды о винограднике Феогноста, предшествовавшей биографиям Феодора и Георгия Александрийского, но позднейшей по отношению к историкам, современным Златоусту, которым все это повествование было неизвестно»¹².

Если вновь обратиться к исследованию Дж. Келли, то становится очевидно, что он игнорирует этот вывод А. Грегуара. Дж. Келли утверждает, что, хотя «Житие Порфирия Газского» и содержит в себе большую долю вымысла, при избирательном подходе к содержащейся в нем информации на Житие следует опираться как на ценный исторический источник¹³. И далее он заявляет, что не видит оснований для того, чтобы подвергать сомнению достоверность сообщения о беседе Порфирия с Иоанном, содержащегося в Житии¹⁴.

Сам А. Грегуар также отличает элементы вымысла, присутствующие в этом памятнике, от содержащегося в нем исторического ядра¹⁵. В частности, он говорит о правдивом изображении в нем свт. Иоанна Златоуста, однако тут же замечает, что описание ссоры Златоуста с императрицей и намек на дело о винограднике являются явными анахронизмами¹⁶. Тем не менее Дж. Келли очевидным образом пренебрегает последним замечанием А. Грегуара и, не приводя никаких дополнительных доказательств и аргументов, относит к историческому ядру как раз то повествование о ссоре Златоуста с императрицей, подлинность которого поставлена А. Грегуаром под сомнение. Таким образом, аргументация Дж. Келли не может быть признана удовлетворительной, в то время как позиция А. Грегуара, основывающегося, с одной стороны, на доказанном факте позднего происхождения «Жития Порфирия Газского», а с другой — на отсутствии в ран-

⁹ См., например: *Baur Ch. John Chrysostom and His Time. Vol. 2. P. 166.*

¹⁰ См. его Введение к изданию «Жития Порфирия Газского»: *Marc le Diacre. Vie de Porphyre, évêque de Gaza. P. VII–CXI.*

¹¹ *Ibid. P. XXXIII–XXXVII.*

¹² *Ibid. P. XLII–XLIII.*

¹³ *Kelly J. N. D. Op. cit. P. 168.*

¹⁴ *Ibid. P. 169.*

¹⁵ *Marc le diacre. Vie de Porphyre, évêque de Gaza. P. XLV–LXX.*

¹⁶ *Ibid. P. LXIV.*

них источниках повествования о похищении императрицей Евдоксией чужой собственности и о ссоре с ней святителя, заслуживает серьезного внимания.

Другим аргументом сторонников подлинности легенды о винограднике является рассказ о том, что свт. Иоанну Златоусту пытались поставить в вину оскорбление императрицы Евдоксии, которую он уподобил библейской Иезавели, содержащийся в «Диалоге с Феодором, римским диаконом, о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста» Палладия Еленопольского¹⁷ — произведении, созданном современником и другом свт. Иоанна Златоуста сразу после кончины последнего. Эта точка зрения изложена в упоминавшейся выше книге Р. Брендле¹⁸. Ученый пишет: «Однажды епископу на императрицу пожаловалась одна вдова. По ее словам, та отняла у нее участок земли. В более поздних источниках этот участок превращается в виноградник, благодаря чему устанавливается связь с библейским рассказом о винограднике Навуфея. ... Есть основания предполагать, что в своей проповеди после соответствующего разбирательства, относительно которого мы не располагаем дальнейшими сведениями, он провел параллель между императрицей Евдоксией и царицей Иезавелью. Фактически известно лишь то, что, по сообщению Палладия, на соборе “под Дубом” Златоуста обвиняли в том, что он сравнил императрицу с Иезавелью»¹⁹.

В «Диалоге» Палладия существуют два упоминания об императрице Евдоксии. Впервые о ней говорится в начале 6-й главы, в рассказе о заговоре врагов против свт. Иоанна Златоуста. Палладий сообщает, что они «плетут против Иоанна клевету, переделав некоторые из его бесед, превратив их во вздор, [произнесенный] против императрицы и других царедворцев» («πλέκουσι διαβολὰς κατὰ τοῦ Ἰωάννου, μεταποιήσαντες αὐτοῦ τινὰς ὁμιλίας εἰς ὕθλους κατὰ τῆς βασιλίσσης καὶ ἐτέρων τῶν ἐν τῇ αὐλῇ τοῦ βασιλέως») ²⁰.

Другое упоминание императрицы находится в 8-й главе. Здесь рассказывается о тех обвинениях, которые выдвигали свт. Иоанну Златоусту его враги, и одно из них заключалось в том, что он сравнил Евдоксию с Иезавелью. При этом автор «Диалога» с укором обращается к оппонентам святителя, призывая их устыдиться своих действий:

«Ὡ τρισάθλιοι, ἃ φρονεῖτε καὶ «О, трижды несчастные в том, что вы ποιεῖτε· αἰσχύνεσθε ταῦτα ποιεῖν, οὐ замышляете и творите! Постыдитесь Θεὸν ἀλλὰ ἀνθρώπους αἰδοῦμενοι совершать это, стыдясь и страшась ἢ φοβοῦμενοι. Ἦν δὲ ἡ καθοσίωσις если не Бога, то людей! Ведь оскорб- ἢ εἰς τὴν βασιλίσσαν λοιδωρία, ὡς лением величества было поношение ἐκεῖνοι ἀπήνεγκαν, ὅτι εἶπεν αὐτὴν императрицы, поскольку они донесли, Ἰεζάβελ». что Иоанн назвал ее Иезавелью».

¹⁷ *Palladius*. Dialogue sur la Vie de Jean Chrysostome. T. 1 / introduction, texte critique, traduction et notes par A.-M. Malingrey et Ph. Leclercq / Sources Chrétiennes, 341. Paris, 1988.

¹⁸ Брендле Р. Указ. соч.

¹⁹ Там же. С. 118–119.

²⁰ *Palladius*. Dialogue. T. 1. P. 126₄₋₇.

Затем Палладий продолжает:

«Καὶ οἱ μὲν θαυμάσιοι, τὸν διὰ ξιφῶν «И хотя те, достойные изумления, со-
θάνατον αὐτοῦ ποθήσαντες ἰδεῖν, вершили таковой донос, желая видеть
οὕτως ἀνήνεγκαν ὃ δὲ Θεὸς καὶ τοῦτων его смерть от меча, Бог открыл их втай-
ἐφάνερωσεν τὴν ἐνδομυχοῦσαν не замышляемое зло и умягчил сердца
κακίαν καὶ τῶν ἀρχόντων ἐμαλάκυνε властителей».
τὴν καρδίαν»²¹.

Итак, во-первых, в «Диалоге» сообщается, что некоторые беседы свт. Иоанна Златоуста были превратно истолкованы его врагами, представившими, что он выступал в них против императрицы и других царедворцев, а вторых, что за сравнение императрицы Евдоксии с Иезавелью его обвинили в оскорблении величества, тяжком преступлении, за которое полагалось суровое наказание вплоть до смертной казни²².

При поверхностном взгляде действительно может показаться, что второй фрагмент «Диалога» подтверждает существование версии о защите Златоустом бедной вдовы и сравнении императрицы с Иезавелью²³. В частности, по словам К. Г. Холэма, Златоуст действительно сделал выпад против императрицы Евдоксии, назвав ее Иезавелью «с обычной живостью и потрясающим отсутствием такта»²⁴. Однако при более внимательном проникновении в этот фрагмент «Диалога» возникает сомнение, адекватно ли К. Г. Холэм и остальные ученые интерпретируют его.

Прежде всего, обращает на себя внимание содержащийся в этом отрывке призыв: «Побойтесь совершать это, стыдясь и страшась если не Бога, то людей». Что хочет сказать этими словами Палладий? Он осуждает действия врагов святого и призывает их, если они не боятся Бога, по крайней мере постыдиться мнения людей. Почему? Вероятно, потому, что существовали свидетели, которые знали, что сравнение императрицы с Иезавелью, приписываемое Златоусту, является клеветническим вымыслом его недоброжелателей. Из этого вытекает, что эти слова Палладия следует рассматривать не как подтверждение подлинности легенды о винограднике и проповеди Златоуста об Иезавели, но, наоборот, как их опровержение.

Продолжение этого фрагмента еще более ясно выражает мысль о невинности Златоуста. Здесь Палладий говорит о том, что святой избежал смертной казни по обвинению в тяжком политическом преступлении — оскорблении величества. Неужели это могло произойти, если бы он был действительно виновен в оскорблении императрицы, назвав ее Иезавелью? Конечно, нет. Слова Палладия следует понимать так, что никаких оскорблений императрицы Евдоксии Златоуст не совершал, правда об этом была раскрыта и стала известна тем, кто находился у власти. Таким образом, в данном фрагменте говорится не о подлин-

²¹ *Palladius*. Dialogue. T. 1. P. 178₂₄₄₋₂₅₁.

²² *Ibid.* P. 178. N. 1.

²³ Этой точки зрения придерживаются многие исследователи, например Р. Брендле, Е. Т. Казенина-Пристанскова, К. Г. Холэм.

²⁴ *Holum K. G.* Op. cit. P. 72.

ных действиях Златоуста, а о клевете на него его противников, что становится еще более очевидным при чтении его в контексте первого фрагмента, где недвусмысленно говорится, что враги злонамеренно исказили смысл некоторых его бесед²⁵.

Эта версия находит дополнительное подтверждение при обращении к тем проповедям святителя, в которых содержится толкование библейского повествования о винограднике Навуфея и царице Иезавели. К. Брок-Шмецер²⁶ говорит о том, что в различных контекстах оно встречается в таких его произведениях, как «Похвальная беседа о святых мученицах Вернике и Просдоке девах и о матери их Домнине»²⁷, «Беседа о том, что нужно постоянно собираться»²⁸, «II беседа о покаянии»²⁹, «Беседа на седьмой псалом»³⁰, «Беседа ХС на Евангелие от Матфея»³¹, «V беседа на II главу Послания к Филиппийцам»³². К этому списку можно присовокупить еще две беседы, указанные П. Убальди³³: «Беседу об апостоле Петре и пророке Илии»³⁴ и «Беседу на слова “Приветствуйте Прискиллу и Акилу”»³⁵.

Не говоря о том, что большая часть этих бесед, за исключением толкования на II главу Послания к Филиппийцам и «беседы о том, что нужно постоянно собираться», были произнесены Златоустом в Антиохии, а не в Константинополе, изъяснение в них сюжетов, связанных с Иезавелью, Ахавом и пророком Илией, находится в русле обычных духовно-нравственных рассуждений проповедника и вообще лишено какого-либо намека на императрицу Евдоксию.

Таким образом, поскольку все известные проповеди Златоуста, в которых фигурирует тема виноградника Навуфея и Иезавели, не содержат намеков на императрицу, можно предположить, что враги свт. Иоанна умышленно приписали ему то, чего на самом деле им не было сказано³⁶.

²⁵ В этой связи интересно рассуждение Э. Пюэша (*Puech A. St. Jean Chrysostome et les mœurs de son temps: un réformateur de la société chrétienne au IV siècle. Paris, 1891. P. 296–298*), в котором он, ссылаясь на беседу Златоуста антиохийского периода «О блаженном Вавиле, а также против Юлиана и язычников» (PG 50. Col. 533–572), говорит о том, что, если в этой беседе Златоуст призывает желающего обличить порок быть как можно дальше от дерзости и гордости (Ibid. Col. 543–544), то и в более позднее время он не мог проявить дерзость и гордость по отношению к императрице Евдоксии, назвав ее Иезавелью.

²⁶ См. ее анализ трактовки св. Иоанном Златоустом фигуры Иезавели в его различных трактатах и беседах в исследовании: *Broc-Schmezer C. Les femmes de la Bible, reflets de l'évolution de Jean Chrysostome. A propos d'un passage du Traité sur la virginité // Les Pères de l'Église et les femmes. Actes du colloque de La Rochelle 6 et 7 septembre 2003. Rochefort, 2003. P. 162–165.*

²⁷ PG 50. Col. 632–633.

²⁸ PG 63. Col. 464–466.

²⁹ PG 49. Col. 287–288.

³⁰ PG 55. Col. 101.

³¹ PG 58. Col. 791.

³² PG 62. Col. 216–217.

³³ *Ubaldi P. La sinodo «ad Quercum» dell'anno 403 // Memorie della Reale Accademia delle Scienze di Torino. Ser. 2. T. 52. Torino, 1903. P. 85–86.*

³⁴ PG 50. Col. 733.

³⁵ PG 51. Col. 203.

³⁶ Историк Зосима рассказывает, что свт. Иоанн Златоуст позволял себе публично резко высказываться по отношению к императрице. Однако сообщение Зосимы в силу его враждеб-

Итак, оба аргумента, на которые опираются сторонники теории о достоверности легенды о винограднике вдовы Феогноста, не являются столь убедительными, как это кажется с первого взгляда, и не могут служить неоспоримым доказательством их правоты.

Теперь обратимся к противоположной точке зрения на легенду о винограднике и проповеди Златоуста об Иезавели, принадлежащей Ф. ван Оммеслеге. Как было указано выше, он не признавал за этой легендой исторической правды, в своих изысканиях опираясь на «Надгробное слово» Псевдо-Мартирия Антиохийского³⁷ — памятник, созданный неизвестным автором, изучение и публикация которого является неоспоримой научной заслугой ученого³⁸. Благодаря глубокому проникновению в его текст, Ф. ван Оммеслеге выдвигает альтернативную версию происхождения легенды, никак не связанную с фактом присвоения императрицей чужой земельной собственности и обличением ее свт. Иоанном Златоустом.

Теория Ф. ван Оммеслеге изложена в его статье, посвященной конфликту свт. Иоанна Златоуста с императрицей Евдоксией³⁹, в которой он рассматривает «Надгробное слово» Псевдо-Мартирия как один из самых достоверных источников по истории свт. Иоанна Златоуста, как произведение, проливающее новый свет на краткую историю его предстоятельства на константинопольской кафедре.

Ученый пишет, что, согласно этому сочинению, свт. Иоанн Златоуст являлся спорной фигурой, которая вызывала недовольство в определенных кругах константинопольской знати. Об этом свидетельствуют, например, такие фрагменты «Надгробного слова», как рассказ о том, что после вступления Златоуста на константинопольский престол не все с должным почтением внимали его беседам, или о том, что, когда Феофил Александрийский вступил в город, многие жаловались ему, что епископ произносит проповеди, в которых обличались их ной позиции относительно Златоуста и Церкви в целом нельзя рассматривать как подлинное свидетельство. Он лишь демонстрирует отношение к святому среди недоброжелательно настроенных к нему: «ἐντεῦθεν ηῤῥήθη τῇ συνοικουσῇ τῷ βασιλεῖ τὸ κατὰ Ἰωάννου τοῦ τῶν Χριστιανῶν ἐπισκόπου μῖσος, χαλεπανούση πρότερον μὲν αὐτῷ κωμωδεῖν εἰωθότι κατὰ τὰς συνόδους αὐτὴν ἐν ταῖς πρὸς τὸ πλῆθος ὁμιλίαις· τότε δὲ, μετὰ τὴν Ἰωάννου καὶ τῶν ἄλλων ἐπάνοδον, εἰς τὴν κατ' αὐτοῦ δυσμένειαν ἐμφανῶς ἐξανέστη. Πράττουσα δὲ πάντα κατ' ἐξουσίαν ἐκίνει τοὺς πανταχόθεν ἐπισκόπους εἰς τὴν Ἰωάννου καθαίρεσιν». («Ненависть, которую императрица имела против Иоанна, бывшего христианским епископом, сильно увеличилась. Хотя она прежде гневалась против него, поскольку он был суров по отношению к ней в своих публичных беседах перед народом, однако в это время, когда он и двое других вернулись (очевидно, имеются в виду консулы Аврелиан и Сатурнин. — А. Б.), она сделалась его открытым врагом. Таким образом, для удовлетворения своего гнева она приложила большие усилия, чтобы убедить епископов из всех мест согласиться на смещение Иоанна».) // Zosimi Historia Nova / Ed. L. Mendelssohn. Leipzig, 1887. P. 224.

³⁷ *Ommeslaeghe F., van.* De lijkrede voor Johannes Chrysostomus toegeschreven aan Martyrius van Antiochie. Tekstuitgave met Commentaar Hoofdstukken uit de Historische Kritiek : PhD diss. Louvain, 1974.

³⁸ Об авторстве, времени происхождения и жанре памятника см. статью: *Ommeslaeghe F., van.* La valeur historique de la Vie de S. Jean Chrysostome attribuee à Martyrius d'Antioche (BHG 871) // *Studia Patristica*, 12. Berlin, 1975. P. 478–483.

³⁹ *Ommeslaeghe F., van.* Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie.

пороки: любостяжание, сребролюбие, алчность, блуд. В «Надгробном слове» существуют и указания на тот факт, что сама императрица Евдоксия входила в число тех, кто тяготился епископом.

Одной из причин вражды части константинопольской знати против свт. Иоанна Златоуста было строительство последним больницы для прокаженных. Поскольку поместья богатых землевладельцев находились в непосредственной близости от места расположения больницы, богачи, с одной стороны, опасались распространения инфекции, а с другой — возможного падения стоимости земли. Согласно «Надгробному слову», первым делом врагов святого после окончания собора «у Дуба» была остановка строительства и конфискация предназначенных для него денежных средств. Таким образом, по словам Ф. ван Оммеслеге, «Надгробное слово» дает гораздо более четкое объяснение враждебной настроенности богатых горожан и, возможно, самой императрицы к свт. Иоанну Златоусту, чем позднейшие жития святого, базирующиеся на произведении Псевдо-Георгия Александрийского.

Анализируя «Надгробное слово» дальше, ученый отмечает, что поскольку фигура свт. Иоанна Златоуста не вызывала одобрения части константинопольской знати, то вокруг нее неизбежно возникали разнообразные далекие от правды домыслы и слухи. Согласно этому памятнику, свт. Иоанна Златоуста обвиняли в том, что он стремился принести в жертву готу Гаине, возглавившему мятеж против власти, церковные и государственные дела, что он омывался вином, которое после этого смешивал с Причастием для того, чтобы через это магическое действие привлечь на свою сторону паству, что он сравнил императрицу Евдоксию с обольстившей Адама Евой, что вызвало ее гнев и ускорило его низложение. Последнее обвинение Ф. ван Оммеслеге называет противовесом рассказанной позднейшими агиографами истории о параллели между императрицей и Иезавелью.

Комментируя рассказ об уподоблении свт. Иоанном Златоустом императрицы Еве, Ф. ван Оммеслеге сомневается в том, что оно действительно имело место, и считает, что здесь автор «Надгробного слова» основывается на неподтвержденных данных. С другой стороны, по его мнению, это повествование, хотя и не является достоверным, свидетельствует о циркулирующем в столице слухе, согласно которому Златоуст применил к императрице какое-то обидное сравнение, которое было использовано против него.

Наконец, Ф. ван Оммеслеге пишет об изображенном в «Надгробном слове» противостоянии врагов опального епископа и его сторонников, в числе которых были униженные, бедные, больные, для которых свт. Иоанн Златоуст был поддержкой и опорой в жизни. Среди сторонников Златоуста выделялась диаконисса Олимпиада, замученный в тюрьме чтец Евтропий, к ним принадлежал и сам анонимный автор произведения, описавший страдания, гонения, аресты, ссылки и казни, которые все эти люди претерпели по приказу константинопольского двора и новых церковных властей.

Ученый предполагает, что именно в умах этих гонимых сторонников свт. Иоанна Златоуста впервые зародилась параллель между их епископом и пророком Илией, с одной стороны, и библейской Иезавелью и императрицей Ев-

доксией — с другой. Эта параллель нашла литературное выражение в сочинении Псевдо-Мартирия, и сравнение императрицы Евдоксии с царицей Иезавелью дало позднейшим агиографам свт. Иоанна Златоуста, не сумевшим различить риторический прием от действительного хода событий, основание для создания легенды о винограднике вдовы Феогноста и об обличении свт. Иоанном Златоустом императрицы Евдоксии⁴⁰.

Подводя итог своим научным изысканиям, Ф. ван Оммеслеге говорит о том, что «Надгробное слово» Псевдо-Мартирия дает ключ к разгадке некоторых проблем, связанных с биографией свт. Иоанна Златоуста. По словам ученого, этот памятник позволяет найти более правдоподобную причину конфликта свт. Иоанна Златоуста с императрицей Евдоксией, нежели та, которая содержится в «Житии» Псевдо-Георгия Александрийского и его эпигонов. Он считает, что эта причина заключается не в том, что свт. Иоанн Златоуст обличил императрицу за украденную ею чужую собственность, а в том недовольстве, которое знатные женщины питали к святителю, обличавшему их недостойное поведение, о чем рассказывает как сам Псевдо-Мартирий, так и другие источники⁴¹. Рассказ Палладия Еленопольского об обвинении Златоуста в оскорблении величества, которое заключалось в том, что он назвал императрицу Иезавелью, Ф. ван Оммеслеге называет семенем, из которого впоследствии произошло повествование об обличении свт. Иоанном, как новым пророком Илией, новой Иезавели в лице императрицы Евдоксии. Появление этого рассказа в «Диалоге» он объясняет тем влиянием, которое «Надгробное слово» оказало на появившиеся впоследствии повествования о свт. Иоанне Златоусте.

Позиция Ф. ван Оммеслеге достаточно аргументирована и убедительна, однако необходимо высказать некоторые гипотезы, дополняющие и уточняющие точку зрения этого ученого. Мы помним, что сторонники теории о достоверности легенды о винограднике Феогноста опирались в качестве доказательства

⁴⁰ Приведем здесь те фрагменты памятника, в которых имеет место параллель между героями библейского рассказа о винограднике Навуфея и персонажами «Надгробного слова». Впервые она возникает во вступлении к произведению, в котором свт. Иоанн Златоуст сравнивается с различными библейскими фигурами, одной из которых является пророк Илия: «Φιλεῖ καὶ Ἰλίας τὸν ζηλοτὴν τῆς Ἰεζάβελ ἐπὶ πολὺ πικτεῦσαντα τῇ Θεομαχίᾳ» («Любит и Илия ревнителя Иезавели, много сражавшегося с Богоборицей»). (*Ommeslaeghe F, van. De lijkrede voor Johannes Chrysostomus. P. 45₁₆₋₁₇*). Во второй раз эта параллель появляется, когда автор, рассуждая о тех способах, которыми диавол мог бы погубить Иоанна, влагает ему в уста следующие слова: «Ὡς τὸν Ναβουθὲ ἐκεῖνον ἀνελεῖν ἔπεισά ποτε τὴν Ἰεζάβελ. Ἔχω καὶ νῦν ... τοιοῦτον γύναιον». («Я некогда убедил Иезавель убить того Навуфея. И ныне у меня есть ... такая бабенка») (*Ibid. P. 74₁₄₋₁₆*). И, наконец, в третий раз мы находим эту параллель в конце произведения, когда Псевдо-Мартирий негодует на тех, кто вступает в евхаристическое общение с Атиком Константинопольским, приводя в качестве оправдания факт кончины Иоанна Златоуста: «Τί λεγείς, ἄνθρωπε; οὐκ ἐκοινωνεῖς διὰ τὴν ἀδικίαν; καὶ κοινωνεῖς μετὰ τὸν φόνον ὡς περ τοῦ φόνου ἀποσμῆξαντος ἐκείνην; ἢ καὶ τὴν Ἰεζάβελ μέχρη μὲν τῆς τοῦ Ναβουθαὶ ἀμπελώνος ἀρπαγῆς διὰ τοῦτο ἐμίσεις, ἐπειδὴ δὲ αὐτὸν ἀνείλε, τῇ ζωῇ ἐκείνου τό πρὸς αὐτὴν συγκατέλυσας μισός;» («Что ты говоришь, о человек? Ты не имел общения из-за беззакония? И имеешь общение после убийства под тем предлогом, что убийство его уничтожило? Или и Иезавель ты до похищения виноградника Навуфея ненавидел, а после того, как она отняла его ценой жизни, ты тотчас уничтожил ненависть к ней?») (*Ibid. P. 139₁₋₃*).

⁴¹ Например, «Диалог» Палладия (*Palladios. Dialogue. T. 1. P. 162₇₉—164₈₅*).

своей правоты на сообщение Палладия об обвинении свт. Иоанна Златоуста в оскорблении величества обидным для императрицы Евдоксии сравнением с Иезавелью. В противовес им Ф. ван Оммеслеге отвергает подлинность этого события и считает рассказ Палладия недостоверным, аргументируя свою точку зрения тем, что автор «Диалога» был плохо осведомлен о событиях в Константинополе и его свидетельство не следует переоценивать⁴².

Однако, как мы постарались продемонстрировать выше, сообщение Палладия является не подтверждением, а опровержением обвинения в том, что Златоуст назвал императрицу Евдоксию Иезавелью. Его следует рассматривать в контексте рассказа «Надгробного слова» о тех клеветнических слухах, которые циркулировали в Константинополе относительно свт. Иоанна Златоуста: об омовении евхаристическим вином, о предательстве интересов Церкви и государства, о сравнении императрицы Евдоксии с Евой. Таким образом, в этом вопросе «Диалог» Палладия не противоречит «Надгробному слову», как полагал Ф. ван Оммеслеге, а, наоборот, находится с ним в полном согласии.

«Надгробное слово» Псевдо-Мартирия дает ключ к разгадке того, каким образом мог возникнуть слух о сравнении императрицы с Иезавелью. Как прекрасно продемонстрировал Ф. ван Оммеслеге, этот памятник является отражением умонастроений сторонников свт. Иоанна Златоуста, в котором, как в защитнике угнетенных и обиженных, они видели нового пророка Илию, выступавшего против нечестивой Иезавели. Возможно, это сравнение некоторое время бытовало в их среде, о чем было известно врагам святого, и они поспешили им воспользоваться для своих клеветнических измышлений.

Наконец, опираясь на «Надгробное слово», можно предположить, почему среди сторонников свт. Иоанна Златоуста имело место не только сравнение епископа с пророком Илией, но и императрицы Евдоксии с Иезавелью. Один из фрагментов произведения недвусмысленно указывает на нее как на главную виновницу запрета строительства больницы для прокаженных и низложения святого. Говоря о том, что враги свт. Иоанна Златоуста не понесли наказания за свое деяние, Псевдо-Мартирий свидетельствует, тем не менее, о божественной каре за содеянное, которую понесла императрица Евдоксия, у которой, по словам Псевдо-Мартирия, случился выкидыш.

«Ἀλλ' ἐπειδὴ ταύτην τέως διαπεφύγασι τὴν τιμωρίαν, σφοδρότεραν ἐκεῖσε ἀναμενέτωσαν τὴν φλόγα. Οὐδε τὸ τῆς δεσποτικῆς ὀργῆς ἐπὶ τοῖς γεγενημένοις σύμβολον ἔκων ἀποκρύψαι. Διαβάντων γὰρ ἐπὶ τὴν πόλιν τούτων ἐπὶ τοιούτοις κατὰ τῆς εὐσεβείας τροπαίοις, καὶ ἐπινίκια κατὰ τῆς ἀληθείας ἀδόντων ὁ

«Но поскольку они избежали наказания здесь, то там пусть потерпят сильнейшее пламя. Невозможно добровольно утаить проявление Господнего гнева к происшедшему. Ибо когда они перешли в город за нечестивыми трофеями и уже воспевали победные песни против истины, Человеколюбец, Спаситель всех и предводитель праведника

⁴² См. его статью: *Ommeslaeghe F., van.* Que vaut le témoignage de Pallade sur le procès de S. Jean Chrysostome // *Analecta Bollandiana*, 95. Bruxelles, 1977. P. 389–441.

φιάνθρωπος καὶ σωτῆρ ἀπάντων Бог, не хотящий смерти грешника, но καὶ τοῦ δικαίου βραβευτῆς Θεός, чтобы он обратился и жив был (Иез 33, ὁ μὴ βουλόμενος τὸν θάνατον τοῦ 11), и поэтому всегда удерживающий ἁμαρτωλοῦ ὡς τὸ ἐπιστρέψαι καὶ натянутый и готовый для их наказания αὐτόν, καὶ διὰ τοῦτο ἀεὶ τὸ τόξον зания лук, зная, что корень всех зол ἐντεταμένον τε καὶ ἤτοιμασμένον πρὸς скрывается в находящейся у власти τῆν των τοιοῦτων ἐπιστροφῆν ἀνέχων, женщине, отпустил руку, и стрела по-εἰδῶς ὅτι ἐν τῷ κρατοῦντι γυναιῶ τῆς летела и настигла жалкое чрево). κακίας ἀπάσης ἢ ῥίζα ἀποκέκρυπται, ἀφήκε τὴν χεῖρα καὶ τὸ βέλος ἵπτατο καὶ τῆς γαστρὸς ἤπτετο τῆς ἀθλίας...»⁴³.

Поскольку в этом фрагменте императрица Евдоксия названа «корнем всех зол», можно предположить, что либо она лично была по какой-то причине заинтересована в приостановке строительства больницы и скорейшем низложении святого, либо действовала в интересах группы богатых землевладельцев. В любом случае она противостояла свт. Иоанну Златоусту в его благородном деле, и по этой причине сторонниками святого епископа была уподоблена Иезавели.

Итак, мы имеем две версии о происхождении легенды о винограднике вдовы Феогноста. Одна из них опирается, во-первых, на данные «Жития Порфирия Газского», а во-вторых, на сообщение Палладия Еленопольского об обвинении свт. Иоанна Златоуста в оскорблении величества за сравнение императрицы Евдоксии с Иезавелью. Данные «Жития Порфирия Газского» Марка Диакона и «Диалога» Палладия являются зыбким основанием для сторонников достоверности легенды. Свидетельство Марка Диакона, как современника произошедших событий, поставлено под сомнение А. Грегуаром, и аргументы этого ученого, оспаривающие подлинность рассказа, заключенного в «Житии Порфирия Газского», не нашли контраргументов со стороны приверженцев теории достоверности легенды о винограднике вдовы. Что же касается фрагмента «Диалога» Палладия, на который ссылаются поборники теории о достоверности легенды, то при его внимательном чтении оказывается, что он предполагает смысл совершенно противоположный тому, который вкладывается ими в данный фрагмент.

Другая версия о происхождении легенды о винограднике, принадлежащая Ф. ван Оммеслеге, опирается на памятник, созданный современником свт. Иоанна Златоуста и очевидцем произошедших событий. В нем нет упоминания ни о вдове, ни о похищенной земельной собственности, ни об обличениях Златоустом императрицы. Зато он изобилует уникальным историческим материалом, отсутствующим во всех остальных произведениях, посвященных святому, и материал этот дает представление о подлинном смысле конфликта свт. Иоанна Златоуста с константинопольским двором, который и породил параллель, нашедшую литературное воплощение в «Надгробном слове».

Ключевые слова: агиографическая традиция, жития свт. Иоанна Златоуста, легенда о винограднике вдовы, императрица Евдоксия.

⁴³ *Ommeslaeghe F., van.* De lijkrede voor Johannes Chrysostomus. P. 94₁₈–95₄.

THE LEGEND OF THE VINEYARD OF THE WIDOW
OF THEOGNOST IN ST. JOHN CHRYSOSTOM'S HAGIOGRAPHY:
PRO ET CONTRA

A. BALAKHOVSKAYA

The legend of the vineyard which belonged to the widow of Theognost appears in the Lives of St. John Chrysostom in the middle of the 7th century, and since that time it has become an indispensable part of his hagiography. It is one of both the most vivid and the most controversial hagiographic narratives of the saint.

The legend says that the empress Eudoxia misappropriated the vineyard of a poor widow. The widow asked St. John Chrysostom to help her, and he demanded that Eudoxia should return the vineyard. But the empress was already angry with St. John for his accusations of avarice; she wanted to revenge on him and refused to return the vineyard. After that St. John rebuked her, comparing her with the impious biblical queen Jezebel. The empress, being insulted, strove to depose the saint.

This legend, associated first of all with the biblical narration of the vineyard of Naboth, is still continuing to arouse scholars' interest. So far they have not arrived at an agreement as to the trustworthiness of this narration. The paper examines two opposing points of view on this problem and evaluates them by means of the analysis of historical sources.

Keywords: hagiographic tradition, St. John Chrysostom's Hagiography, the legend of the widow's vineyard, the empress Eudoxia.

Список литературы

1. Baur Ch. *St. John Chrysostom and His Time*. 2 vol. Westminster, Maryland, 1959–1960.
2. Baur Ch. *St. Jean Chrysostome et ses oeuvres dans l'histoire littéraires*. Paris-Louvain, 1907.
3. Brändle R. *Ioann Zlatoust. Propovednik, episkop, muchenik* (perevod s nemetskogo) (John-Chrysostom. Preacher, bishop, martyr). Moscow, 2006.
4. Broc-Schmezer C. 2003. *Les Pères de l'Église et les femmes*. Actes du colloque de La Rochelle 6 et 7 septembre 2003, pp. 150–168.
5. Halkin F. (ed.) *Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome*. Bruxelles, 1977.
6. Holm K. G. *Theodosian Empresses. Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. (The Transformation of the Classical Heritage, 3). Berkeley, Los-Angeles, London, 1982.
7. Kazenina-Pristanskova E. T. *Zolotyie usta. Zhizn i trudy Ioanna Zlatousta* (Golden Mouth. Life and Works of St. John Chrysostom). Rovno, 2003.
8. Kelly J. N. D. *Golden Mouth. The Story of John Chrysostom — Ascetic, Preacher, Bishop*. London, 1996.
9. Grégoire H., Kugener M.-A. (ed.). *Marc le Diacre. Vie de Porphyre, évêque de Gaza*. Paris, 1930.
10. Migne J.-P. (ed.). *Patrologiae Graecae Cursus Completus*.

11. Ommeslaeghe F., van. (ed.) *De lijkrede voor Johannes Chrysostomus toegeschreven aan Martyrius van Antiochie*. Tekstuitgave met Commentaar Hoofdstukken uit de Historische Kritiek. PhD diss. Louvain, 1974.
12. Ommeslaeghe F., van. 1975. *Studia Patristica*, t. 12, pp. 478–483.
13. Ommeslaeghe F., van. 1977. *Analecta Bollandiana*, no. 95, pp. 389–441.
14. Ommeslaeghe F., van. 1979. *Analecta Bollandiana*, no. 97, pp. 131–159.
15. Malingrey A-M., Leclercq Ph. (ed.). *Palladius. Dialogue sur la Vie de Jean Chrysostome*, t. 1. Paris, 1988.
16. Puech A. St. *Jean Chrysostome et les moeurs de son temps: un réformateur de la société chrétienne au IVe siècle*. Paris, 1891.
17. Ubaldi P. 1903. *Memorie della Reale Accademia delle Scienze di Torino*. Ser. 2, t. 52, pp. 33–98.
18. Mendelssohn L. (ed.) *Zosimi Historia Nova*. Leipzig, 1887.